

ПОЛЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО У КАТОНА

Историки древнего мира, писавшие на рубеже XX в., были твердо убеждены, что обеднение италийского крестьянства, так патетически изображенное в общеизвестном отрывке из речи Тиберия Гравха, было, в конечном счете, вызвано тем, что италийский рынок оказался завален провинциальным и заморским хлебом, который продавался по цене, столь низкой, что полевое хозяйство превратилось в статью вовсе невыгодную. Поэтому крупные землевладельцы от него почти совсем отказались и перешли к разведению виноградников и масличных садов, а крестьяне, у которых для организации винодельческого и маслодельного хозяйства, конечно, не было средств, стали бросать свои земли и уходить в города, чаще всего в Рим, рассчитывая отчасти на заработок, а главным образом на даровое содержание от государства.

Эти положения, до последнего времени остававшиеся непреложными для всякого, занимавшегося древним Римом, будь то ученый исследователь или студент-первокурсник, давно нуждаются в пересмотре. В настоящей работе я ставлю себе скромную задачу: посмотреть, бросил ли крупный землевладелец полевое хозяйство и выгодно ли было ему его бросать.

Главным источником нашим для решения этой задачи является Катон, тот самый Катон, основываясь на котором и Моммазен, и Нич, и Ростовцев вычертили знакомую схему, превратившуюся для римской истории в нечто аналогичное постулатам Евклида в геометрии. Каждое поколение, однако, перечитывает источники заново и обязано их перечитывать. Работа предшественников, их достижения и самые их ошибки позволяют заметить то, что ускользнуло от них, часто пристального и зоркого, глаза. Иногда случается, что ими упущена одна какая-то подробность, отсутствие которой сдвигает, однако, все пропорции и искажает реальную картину прошлого. Такой подробностью, которую просмотрели западные историки Рима, было сосуществование садовых и полевых культур на одном и том же месте. Нелепо было бы утверждать, что во II в. до н. э. не разводили маслин и не занимались виноградарством. Это время было как раз временем пышного расцвета маслиноводства; что касается виноградарства, то и его размеры, в соответствии с разросшимися потребностями местного рынка, должны были расширяться. Этот расцвет и это расширение вовсе, однако, не означали почти полного уничтожения хлебного хозяйства: пшеница не бежала перед лозой и маслиной, отдавая им, счастливым завоевателям, свою территорию: она продолжала удерживать за собой старое место, превосходно уживаясь с новыми насельниками, которых она гостеприимно приняла на своей щедрой земле.

В а р р о н, писавший свое «Сельское хозяйство» в 30-х гг. I в. до н. э., заметил, что Италия производит впечатление сплошного плодового сада (I, 2, 6). Варрону вообще можно верить: он внимателен и точен в своих наблюдениях, но здесь его можно было бы, пожалуй, заподозрить в патриотическом увлечении, если бы ему на поддержку не

пришел Колумелла, оставивший нам драгоценное изображение полевого пейзажа, причем изображение это дано в таком контексте, что ни о каком искажении действительности, нечаянном или умышленном, здесь не может быть и речи. К о л у м е л л а перебирает разные типы пастбищ для свиней и советует хозяину пасти свое свиное стадо в местах, не имеющих лесов и болот, на паровом поле, «засаженном разными деревьями, которые дают плоды, сменяющие друг друга в течение года: тут есть яблоки, сливы, груши, разные орехи и винные ягоды» (7, 9, 8). Над созданием в широком масштабе этого полевого пейзажа, в котором комбинируются плодовые деревья и хлебные посевы, начали работать современники Катона: старый цензор показывает их за этой работой: поле, на котором будет произведен посев (*vervactum* 27), покрывается ямами для маслин, смоковниц, лоз и вязов, по которым будут виться эти лозы. В другом месте он же говорит о маслиннике, в котором между деревьями сеют *rabulum*, т. е. различные бобовые (29).

Надо сказать, что полевое хозяйство древней Италии ко времени Катона достигло в смысле агрономии и агротехники высоты, которая в дальнейшем итальянскими хозяевами превзойдена не была. Полеводческие советы Колумеллы, хозяина превосходного, в основном только повторяют, несколько перефразируя, советы Катона. Если эти превосходные полеводы сеяли много бобовых, зная при этом их удобрительную силу, то совершенно ясно, что в системе севооборота эти бобовые предвзяли посев хлебов: пшеницы, полбы, ячменя. Если в масличном саду сеяли бобовые, то это означало, что на следующий год на этом самом месте будут посеяны хлебные злаки. К о л у м е л л а говорит (5, 9, 14), что масличный сад обычно разбивали на две половины: одну засеивали, другая оставалась под паром. Это сообщение, будучи сопоставлено с тем, что говорит Катон, позволяет представить себе следующую картину хозяйства, которая при вышеприведенных предпосылках окажется единственно реальной: маслинник разбит на две половины: одна из них засеяна бобовыми; на следующий год здесь сеют хлеба, а вторую половину отводят под бобовые и т. д., с постоянной сменой одних растений другими.

Итак, соединение хлебного поля и масличного сада засвидетельствовано самим Катонем. *Arbustum*, т. е. виноградник, где лозы вились по деревьям, устраивали, как мы видели, тоже на хлебном поле. Катон нигде, правда, не упоминает, что взрослый *arbustum* засеивается, но об этом, как о чем-то общепризнанном и само собой разумеющемся, говорят и П л и н и й (17, 203) и К о л у м е л л а (2, 2, 24). Единственным местом, не терпевшим комбинированных культур, был виноградник (33, 3), в котором лозы подвязывали к кольям и шпалерам (*vitea*).

Хозяйства, которые имеет в виду в своей книге Катон, богаты хлебом. Хлеб производится ими не только для собственного потребления, но и на продажу (2, 7). Некоторые советы Катона можно понять, только признав изобилие хлеба явлением, для этих хозяйств нормальным. Он рекомендует, например, употреблять на подстилку для скота такой драгоценный кормовой материал, как мякину (37, 2). При чрезвычайной расчетливости в кормах и большой бережливости к ним, столь характерной для Катона, подобная трата мякины возможна только при таком ее обилии (следовательно, и при обилии хлеба), что девать ее некуда. Ни один из последующих писателей-агрономов не посоветует использовать мякину в качестве подстилки.

В тех двух хозяйствах, для которых Катон оставил опись инвентаря, названы «20 долив для хлеба» (10, 4; 11, 2). Обычная вместимость долив, упоминаемых Катонем, — 55 амфор; амфора равна 26,26 литра, а модий пшеницы — 8,754 литра, т. е. 20 хлебных долив вмещают почти 3 000 модиев. Если инвентарь виноградника отнюдь не продуман и не попадает предметы совершенно случайно, то в описи для масличного сада все строго предусмотрено, и 20 хлебных долив стоят там не зря: можно спокойно считать, что они предназначались для хлеба с собственных полей, а отнюдь не покупного: *patrem familiae vendacem, non emacem esse oportet*. Да для 13 человек, работавших в этом хозяйстве, и не нужно было такого количества: круглым числом на них шло около 600 модиев. Такое же количество требовалось на посев (засеивалась половина маслинника — 120 югеров; на югер для посева 5 модиев), остальное составляло тот излишек, который поступал на соседние рынки.

Комбинированные культуры были уроком, полученным итальяскими хозяевами от кампанских греков; начиная со II в. расширена была только сфера приложения этого урока. Хозяину незачем было отказываться от хлебных посевов в своем масличнике или *arbustum*: тот и другой сам по себе требовали, по крайней мере, двукратной вспашки: для засева надо было добавить еще немного работы и некоторое количество зерна, возвращавшегося с лихвой. С остальными работами: мотыженем, прополкой, жатвой, которые как раз требовали большого числа рабочих рук, хозяин справлялся с помощью издольщиков.

Попробуем теперь приблизительно определить, какой доход добавочно получал Катон со своего масличного сада, засевая его хлебом.

Мы видели уже, что ежегодно засеивалась одна половина всей площади сада, т. е. 120 югеров. Варрон говорит, как об урожае обычном, об урожае в сам-10. Сократим из осторожности эту цифру до сам-6: допустим, что с югера урожай был только 30 модиев; 6 модиев получал издольщик, 5 модиев шло на посев; у Катона, следовательно, оставалось 19 модиев с югера, т. е. со всего участка круглым числом 2 000 модиев, за которые он получал чистых 6 000 сестерциев. Не было смысла отказываться от такого большого и так легко дающегося дохода, тем более, что доход этот был верным: Италия нуждалась в собственном хлебе. В военное время, — а первая половина II в. была временем почти непрерывных войн, — когда в строю находилось легионов восемь, весь сицилийский хлеб шел на армию. Если количество войска доходило до 10—12 легионов, приходилось еще прикупать хлеб в Африке и в других местах. Иногда этот добавочный хлеб Рим получал в качестве подарка, например от Масиниссы. В мирное время, когда армия состояла из 5—6 легионов, на нее шло 720 000 модиев — примерно вся обычная сицилийская десятина. Очень малая часть этого хлеба могла поступить на римский рынок. Италия должна была сама снабжать себя хлебом. Начиная с 194 и до 164 г. включительно, население Италии все время увеличивается. К числу свободных надо прибавить еще большое количество рабов, захваченных в военное время. Местный рынок требовал хлеба, и как крестьянину, так и крупному землевладельцу, было выгодно это требование удовлетворить. Мы не знаем хлебных цен в провинциальной Италии — где-нибудь в Помпеях, в Капуе или в Лавренте, но как бы они ни были [низки (а вряд ли они были значительно ниже римских)], обработка хлебного поля и его засев обходились хозяину еще дешевле, и хлебное поле обещало ему неизменный доход. Хозяин катоновского времени никак не упускает его из виду: недаром же Катон, писавший в своей книге только о том, что он считал важным и нужным, посвятил полевому хозяйству две подробные главы (34 и 35), представляющие собой сводку всего полеводческого опыта предшествующих поколений. Если бы полевое хозяйство в крупном имении отмирало, вряд ли бы эти главы у него появились.

М. Е. Сергеевко